

ФИЛОСОФИЯ И ФУТУРОЛОГИЯ

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-2-240-249

ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ И СОВРЕМЕННАЯ ФУТУРОЛОГИЯ

О.В. Найдыш

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Футурологические сценарии значимы не столько конкретным содержанием своих «моделей будущего», сколько тем, как они отражают и выражают современное состояние обыденного сознания. Изучение их с этой точки зрения дает платформу для углубления понимания ценностей и смысло-жизненных ориентиров современного обыденного сознания. Роль обыденного сознания как предпосылки футурологического творчества значительно различается в зависимости от типа футурологических сценариев. Она особенно значима для сценариев «перспективного плана». В них отражаются черты личности постмодерна, которой свойственен возврат от абстрактных форм постижения мира к наглядно-образным; ослабление волевого начала в деятельности человека, кризисное мироощущение.

Ключевые слова: обыденное сознание, футурология, знания, ценности, воля, цивилизация, личность, постмодерн

В отечественной литературе понятие футурологии употребляется в нескольких значениях. В самом широком смысле под футурологией подразумевается некоторое интеллектуальное движение, формирующее систему знаний о будущем человечества. Такое интеллектуальное движение пришло на смену первобытному толкованию будущего в формах магических практик (гадание, пророчество, ясно-видение и пр.) еще в античном мире, по мере рационализации мифологического пространства и времени, дифференциации мифологем «вечного повторения» на смыслообразы прошлого, настоящего и будущего. В античности футурология возникает в виде литературной утопии и относится к первичным жанрам фантастики, развившейся из фольклорного сознания, из волшебной сказки, но не только. Иногда в качестве первого фантастического произведения в западноевропейской традиции называют «Одиссею» Гомера, а первым утопическим произведением — «Государство» Платона.

Человек традиционного общества на всех его социальных уровнях и исторических этапах редко оставался довольным рутинной, мрачной, тяжелой, жестокой и подавляющей повседневностью. В своем воображении он выстраивал чувственные образы иной реальности, «по ту сторону бытия», где свобода, мир и покой позволяют ему раскрыть подлинные смыслы жизни и обрести новую судьбу. В Средневековье это вполне сочеталось с христианской эсхатологией, т.е. системой

представлений о направленном движении мира в будущее, к его концу (в той форме, в какой он создан Творцом) и переходу в качественное новое состояние.

В эпоху Возрождения жанр литературной и философской футурологической утопии переживает «второе рождение»; футурология из мифологическо-религиозной доктрины становится философским учением. Формируются две его основные сюжетно-идейные линии: технократической и социальной утопии, которые начинают включать в себя не только целеполагание (образ будущего), но и целереализацию, т.е. обсуждение возможных средств и методов достижения такой цели. Утверждается критическое направление в содержании футурологического проекта, «образ будущего» наделялся все более определенными чертами. Эта тенденция усиливается в XVIII в. с возникновением идеи эволюции и формированием умозрительных философских схем всемирно-исторического развития, которые рассматривались творцами футурологических утопий в качестве теоретической основы своих концепций.

В середине XX в. по мере радикального ускорения исторического процесса был поставлен вопрос о необходимости придать социальному прогнозированию конкретно-научный характер, создать науку или комплекс наук, занимающихся прогнозированием научно-технического и социального прогресса, разработкой методологии прогнозирования и планирования протекания процессов в различных сферах общественной жизни и др. (1). На широкой основе естественно-научных и математических методов сложился комплекс конкретно-научного прогнозирования научно-технического прогресса и социальных процессов, включая и прогнозирование демографических, этнических, культурных процессов, международных отношений и проч. При этом философско-теоретическое прогнозирование социальных отношений выделилось в отдельную отрасль футурологии. Ведь одна из важнейших функций философского познания — конструирование теоретических моделей «возможных миров» будущего, попытка посмотреть на современную культуру, современный социум и современного человека (и оценить их) глазами будущего, так сказать, «из вечности» (2).

Моделирование будущего относится к теоретическим задачам особой сложности. Будущее формируется через сложнейшие цепи взаимодействий необходимого, закономерного, сущностного и случайного, вторичного, хаотизированного. Направленность исторического процесса определяется не только закономерными, но и случайными факторами, что существенно затрудняет задачу прогнозирования. Ведь именно случайные факторы (точка бифуркации; «черные лебеди» в виде трудно прогнозируемых редких событий, имеющих значительные последствия, и др.) могут приводить к возникновению «порядка из хаоса», оказаться решающими в задании определенного тренда развития любой системы, отсекая при этом возможности ее развития в других направлениях. Поэтому в социальном прогнозировании выявление причинно-следственных связей является, по словам И. Валлерстайна, «не простым, а по сути гиперсложным» [17. С. 324]; оно носит вариативный характер, предполагает построение большого числа различных вероятных сценариев.

И действительно, созданные во второй половине XX в. — начале XXI в. многочисленные, балансирующие между научной фантастикой, мифологическими пророчествами и научным прогнозированием футурологические сценарии, как зарубежные (3), так и отечественные (4), наделяют будущее существенно различными признаками. Здесь «новое индустриальное общество», постиндустриальное общество, «технотронная эра»; всепроникающее значение знания, информации; искусственный интеллект и его всевластье; «гипериндустриализм»; новые технологические уклады; трансгуманизм, «постчеловечество», в том числе на основе конвергентных технологий, и даже достижение бессмертия; «борьба цивилизаций»; геополитическое доминирование западной цивилизации; нарастание противоречий в системе «общество—природа»; дегуманизация человека; распад социальных институтов, в том числе национальных государств, «новый номадизм»; становление всеобщей Империи [13] и др. Футурологических сценариев создано так много, что, как отмечается в учебном пособии по футурологии, «в обществе в целом сложилось несерьезное отношение к прогнозированию будущего» [10. С. 10].

Вместе с тем важно подчеркнуть, что на самом деле футурологическое творчество не является исключительно философским, а выступает сложным синтезом философского анализа, конкретно-научных знаний, художественно-эстетического воображения и обыденного сознания. В таком синтезе можно выделить следующие структуры сознания.

Во-первых, комплекс мировоззренческих и теоретико-методологических предпосылок (философских и общенаучных принципов, идей, понятий и абстракций, смыслообразов и др.), а также совокупность определенных конкретно-научных знаний об обществе, природе и человеке. В нем отдельное место занимают категориально-понятийные средства представления всеобщей «логики исторического развития», т.е. комплекс представлений о том, *что* определяет исторический процесс, *с чего* он начинается и *куда* направлен. Особенно важную роль понятийная модель логики исторического процесса играет в стратегических футурологических сценариях.

Во-вторых, это — обыденное сознание, которое имеет мифологическое основание (совокупность неинтерпретируемых, нерелексированных, обобщенных наглядно-чувственных образов) [6], способствующее воспроизводству фольклорного сознания. Такое основание непосредственно связано с ценностно-смысловой сферой жизнедеятельности личности, которая проявляется в ценностных установках. Поэтому выделяется третий тип предпосылок футурологического творчества — ценностные установки, выражаемые в форме чувственно-эмоциональных переживаний, склонностей, предпочтений, субъекта, которые могут широко варьироваться. В них определяющим является не миропонимание, а миропереживание субъекта. Такие ценностные установки содержат в себе потребностно-мотивационный и нормативно-регулятивный компоненты [5. С. 393—394], которые мотивируют, направляют и регулируют творческую деятельность по сюжетному выстраиванию футурологических образов (на основе имеющихся когнитивных средств — знаний, понятий, принципов, смыслообразов, представлений и др.).

Важная роль ценностных установок связана с тем, что в любом прогнозировании всегда существует концептуальный «зазор», требующий допускать в модель будущего поправку на случайные факторы, учитывать момент системной неопределенности. А здесь значительную роль играет личный опыт, «интуиция» автора, его миропереживание, ценностные предпочтения. Миропереживание автора может быть различным. Оно может быть либо открытым будущему, смело устремленным к нему; либо содержать боязнь будущего, страх перед ним (футурофобия); либо быть безразличным к будущему, не интересоваться им, пренебрегать любыми попытками его прогнозирования («после нас хоть потоп»).

Именно ценностные предпосылки футурологического творчества являются непосредственным источником того «элемента необычного» [8. С. 15] (т.е. превалирования воображения над реальностью), которое превращает научно-философский образ будущего в научную либо вненаучную (в жанрах фэнтези, ужасов и пр.) фантастику. К такого рода футурологическому творчеству может быть отнесена и многочисленная кинопродукция на основе либо старой мифологии (Апокалипсиса и др. сюжетов), либо неомифологии в стиле «эпического фэнтези» (например, «Властелин колец» и др.), в которой сверхъестественные силы, олицетворяющие полюс «зла», ведут длительную и напряженную борьбу (множество сюжетных линий, войн, битв, походов и пр.) с полюсом «добра», воплощенным в образах главного героя, его друзей и соратников и др. При этом телеэкраны буквально перенасыщены фильмами, в которых образ грядущего насыщен чертами деградации, хаоса, социальной поляризации, здесь человечество погружается в пучину безжалостных звездных войн с инопланетными существами, монстрами с зооморфными признаками и пр.

Другими словами, если в социальном прогнозировании решающая роль отведена ценностным предпосылкам, то результатом будет не научно-философское прогнозирование, а художественно-литературное творчество в разных жанрах.

Наша эпоха — время возрастания активности ценностных форм сознания, а потому вполне закономерна эволюция футурологических моделей в направлении вытеснения понятийно-теоретических элементов художественно-образными, эмоционально насыщенными ассоциациями. Это не значит, что в такой образно-художественной форме не содержится никаких рациональных моментов. Они вполне возможны. Эту закономерность выразительно охарактеризовал Ж. Аттали, когда отмечал, что в социальном прогнозировании «„Капитал“ Маркса или „Исследование о природе и причинах богатства народов“ Адама Смита могут оказаться куда менее полезными, чем, скажем... голливудская кинострепня, в которой мы находим больше правды о грядущем веке, чем у этих авторов-классиков» [1. С. 7].

Таким образом, научная и ненаучная фантастика как ответвление футурологического творчества отличается тем, что в ее сценариях художественная образность превалирует над понятийно-теоретическим анализом, рациональная предсказательность смешивается с развлекательностью, а нередко и подавляется ею. При этом такая художественная образность главным своим источником имеет мифологические пласты обыденного сознания.

В подавляющем большинстве справочников, словарей и энциклопедий футурология и прогнозирование характеризуются как деятельность, направляемая научно-философскими предпосылками.

Вместе с тем анализ показывает, что роль обыденного сознания в футурологическом творчестве также весьма значительна и, как правило, она недооценивается. В связи с этим появляется новое «поле» для теоретического анализа футурологического — исследование тех ценностных и смысловых характеристик современного обыденного сознания, которые оказывают непосредственное воздействие на создание футурологических сценариев. Другими словами, футурологические сценарии ценны и значимы не только конкретным содержанием «образов будущего», но и тем, что они отражают и выражают современное состояние обыденного сознания, являются «зеркалом» его смысложизненных ценностных установок, глубинных ценностных смыслов. Направляя формирование «образов будущего», они переживаются автором, но при этом остаются неявными и нереллексированными элементами обыденного сознания. Попробуем прояснить такую связь современной футурологии с характеристиками обыденного сознания постмодерна.

Прежде всего, следует отметить, что роль обыденного сознания в современной футурологии различается в зависимости от типа футурологических сценариев. Основной массив футурологических сценариев условно может быть подразделен на две группы — тактические и стратегические. Первые ориентированы на относительно недалекое будущее, черты которого уже сегодня видны на горизонте, так сказать, на «завтра». Это — ближайшая, «тактическая» футурология; ее модели обычно представляют собой прямую экстраполяцию в недалекое будущее (порядка 10 лет) выводов актуального политологического анализа [16]. В них ближайшее будущее нередко трактуется как переход к шестому технологическому укладу [2], который характеризуется глобальными информационными сетями, робототехникой, нано- и когнитивными технологиями, производством по индивидуальному заказу (3D-принтеры), использование нетрадиционных видов энергии и др. Отдельное направление посвящено проектам в области социальной инженерии, возможностям производить пересборку социальных субъектов (государств, социальных институтов и т.д.) и др. Такого рода сценарии чаще всего используются как на Западе, так и у нас не столько для проектирования будущего, сколько для непосредственной разработки социальных практик, призванных сегодня, в настоящее время регламентировать отношения между государствами, обществами, этносами, навязывать личности программы самореализации, задавать рамки «жизненного мира» личности и др.

Благодаря мощной пропаганде в СМИ такие сценарии популяризируются и буквально навязываются индивиду, заставляют его часто бессознательно «примерять» их на себя, воспроизводить в структурах своей повседневности. По сути, такого рода футурологические модели прямо трансформируются в идеологии (политические, культурные, образовательные и пр.) и социальные практики.

Предпосылки построения футурологических сценариев этой группы в основном представлены конкретно-научными типом предпосылок футурологического

творчества (научные принципы и методы, идеи, понятия, смыслообразы и др.), некоторыми философскими понятиями и представлениями (но без привлечения философско-теоретических моделей общей «логики исторического развития»), идеологическими установками, а также ценностно-смысловыми элементами обыденного сознания. В сценариях «тактической футурологии» ценностные предпосылки играют второстепенную, подчиненную, антуражную роль по отношению к теоретико-методологическим предпосылкам.

Вторая группа сценариев исходно ориентирована на отдаленное «стратегическое» будущее. Они призваны предсказать существенные черты той исторической эпохи, в которую человек вступит не вот-вот, с сегодня на завтра, а, по меньшей мере, в конце XXI в. — начале XXII в. Вот в них в качестве предпосылок решающую роль играет не теоретико-методологический компонент, а обыденное сознание с его мифологической образностью и системой ценностей. В зависимости от характера мироощущения субъекта, особенно ощущения им исторического будущего (оптимизм или пессимизм), стратегические сценарии могут быть подразделены на две парадигмы.

К первой парадигме относятся модели, в которых кризисные явления современной цивилизации либо игнорируются, либо интерпретируются как временное (и закономерное) проявление социального прогресса. Их авторы — убежденные оптимисты. Они открыты будущему и уверены, что тяжелый груз кризисных проблем современной цивилизации (экологических, геополитических, социальных, культурных, антропологических и др.) — это явление временное. Они убеждены, что прогрессивное восхождение социума неумолимо, а пугающие людей его черты, чем-то напоминающие возвраты в прошлое, носят не фундаментальный, а кратковременный характер [14]. По их мнению, возврат в прошлое ни в какой форме невозможен, а разного рода разговоры о варваризации общества являются лишь публицистическими изысками. К этой парадигме можно отнести и сценарии существования человеческой цивилизации в течение миллионов и миллиардов лет (например, «шкала Кардашёва»), которые используются в программах установления связи с внеземными цивилизациями, и др. В такого рода восходящих прогностических моделях человеческая цивилизация устремлена в будущее, конца ей не предвидится, поэтому футурологию определяют как науку «о путях развития цивилизации» [10. С. 7]. В них предполагается, что прогресс неумолим, цивилизационные кризисы возможны, но они временны, преходящи; «сущностные силы» человека безграничны и позволят ему при необходимости сформировать свое новое качество — трансгуманизм, постчеловечество; в перспективе человека ждет бессмертие [15].

Но существует и вторая парадигма. Это антиутопии-предупреждения, базирующиеся на представлении, что будущее не только плохо познаваемо и неопределенно, но оно еще и опасно, оно угрожает существованию человека. В них грядущее — это «больное общество» с нарушенным миропорядком, хаотизацией, варваризацией, дерационализацией, аморализмом, крайней социальной поляризацией, ярко выраженными признаками вырождения. Такие сценарии насыщены апокалипсическими предчувствиями, описаниями биологической и культурной

деградации человека, многочисленных войн, в том числе и «звездных» и пр. (5). Понятно, что данная перспектива не вызывает у здравомыслящих людей оптимизма и жизненного энтузиазма. К чему стремиться? Мотивация размывается и снижается, нередко порождая рост суицидальности. Такая футурология в значительной степени базируется на мифологической образности и ценностях, миропереживании и смысложизненных установках обыденного сознания личности эпохи постмодерна. Антиутопии, романы-предупреждения создавались и раньше [4], но парадигма деградации становится особенно убедительной именно в социально-культурном контексте постмодерна.

Конец XX — начало XXI вв. — время глубинных социально-экономических и культурных трансформаций мировой цивилизации. Развитие средств информации, способов непосредственной коммуникации (Интернет и др.), распространение технологии социальных сетей приводит к изменению характера социального и межличностного общения. В новых условиях социум атомизируется, а каждый индивид получает возможность сформировать свое отдельное микросообщество. Система общения субъективизируется и фрагментируется, люди объединяются в небольшие сообщества в соответствии с общими интересами и ценностями. Такая тенденция усиливается мощной пропагандой социальных практик, нацеленных на разрыв межличностных и межполовых связей (6). По сути, курс взят на отказ от традиционной семьи, стратегию сокращения населения и др. При этом процессы, связанные с разрушением природно-биологических оснований социума, создают почву для «общества тотального контроля», в котором когнитивные, информационные и биотехнологии (всеобщая «чипизация» и др.) могут полностью превратить человека в объект манипуляции («социальные технологии») внешнего Субъекта.

В этих условиях на смену личности эпохи Модерна, которая была устремлена к познанию и практическому преобразованию мира, воспитывала в себе неукротимую волю, организованность, стремилась максимально реализовать заложенные ней способности и др., приходит личность постмодерна. Ее мотивационная основа формируется обществом потребления, т.е. обществом «с пониженными требованиями, которое лишает людей напряжения» [10. С. 65], и с образованием, которое «основывается на гомеостатической теории, руководствуется тем принципом, что к молодежи следует предъявлять как можно меньше требований» [10. С. 65].

Личность постмодерна обладает ослабленной волевой составляющей, у нее слабо развито творческое начало; она ориентирована на упрощенные, рутинные операции, плохо приспособлена к усвоению высших форм духовной деятельности, требующих отточенного профессионализма, абстрактно-рационального мышления и др. Стержнем ее сознания оказывается «клиповое мышление», которое способно к оперированию не абстракциями, а лишь наглядными образами, оно ориентировано на простейшие ментальные процедуры.

Таким образом, происходит возврат от абстрактно-понятийных форм отражения к эмоционально насыщенным наглядно-образным формам. По сути все профес-

сионализированные формы духовной культуры Модерна (политическая идеология, правосознание, мораль, искусство, наука, философия и даже религия) под воздействием массмедиа постепенно редуцируются до уровня обыденного сознания.

При этом и само обыденное сознание постмодерна теряет свою целостность, «раскалывается». Отсюда и представление о «шизофрении капитализма» [7], в нем все в большей мере противостоят друг другу обыденное знание и здравый смысл. Основные тенденции в системе его деформаций — дерационализация и ремифологизация [6]. В таких условиях симулякры воспринимаются как подлинная реальность, а чувство подлинной реальности человеком постепенно утрачивается. Поэтому обыденная повседневность постмодерна погружается в амальгаму, состоящую из старых традиционных форм мифологии и оккультизма (магия, астрология, спиритизм и др.), и неомифологии (квазинаучное мифотворчество и пр.). За примерами далеко ходить не надо. В некоторых регионах в школах и вузах на смену научным предметам предлагают ввести псевдонаучные дисциплины (астрология, уфология и др.). Тенденция носит мировой характер. Повсеместно на фоне нагнетания в СМИ фобий нарастают апокалиптические настроения, возрождаются средневековые «паттерны поведения» (7). Миропереживание насыщается мистериальностью, реальность воспринимается как катастрофа [6]. Все это порождает в обыденном сознании постмодерна мироощущение цивилизационного и антропологического кризиса. Именно такое мироощущение оказывает существенное воздействие на идейное и смысловое содержание футурологических сценариев; переносится творцами футурологических сценариев на создаваемые ими образы будущего, насыщая их все более устрашающими, монструозными чертами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В 1943 г. немецкий социолог О. Флетхейм предложил термин «футурология» в качестве названия «науки о будущем», которую он противопоставлял философскому учению о коммунизме.
- (2) Разумеется, что любые формы прогнозирования имеют и прагматический аспект. К пониманию будущего человечество стремится не только из чистого любопытства, но и для корректировки социального проектирования и управления в настоящем. Правда, в этом «зазоре» философское прогнозирование может оборачиваться утопизмом.
- (3) Ж. Аттали, Д. Белл, Ф. Бродель, И. Валлерстайн, А. Кларк, К. Леви-Стросс, С. Лем, М. Леонард, А. Негри, Э. Тоффлер, Дж. Фридман, Ф. Фукуяма, О. Хаксли, С. Хантингтон, М. Хардт и др.
- (4) И.А. Ефремов, И.В. Бестужев-Лада, А.А. Зиновьев, М. Калашников, С.Б. Переслегин, братья Стругацкие и др.
- (5) Вот один из примеров такого рода сценариев. Будущий социум — это общество консьюмеризма, когда потребление становится смыслом жизни, с либеральной рыночной экономикой, базирующееся на роботизации производства, глобальном разделении труда, резком качественном разделении на центр и периферию [1]. Оно характеризуется высоким динамизмом, базируется на перемещении с высокой скоростью по планете людей, денег, товаров, информации, на крайней социальной поляризации (нищета сочетается с богатством, но уже не в национально-государственном, а в глобальном масштабе), разрушении традиционных ценностей, национальных и семейных уз, межличностных связей и др. В нем правит «новая элита», оторванная от своих национальных корней, ведущая кочевой образ

жизни, «богатые номады». Им в социальном плане противостоят лишенные семьи и родины миллиарды испытывающих нужду «бедных кочевников» (зарегистрированных и наделенных «личностными характеристиками» с помощью «персонального чипа» и кредитной карточки), которые курсируют по миру в поисках крова, пропитания, более-менее сносных условий для жизни. И т.д. и т.п. Показательно, что Э. Тоффлер, пытаясь придать данной картине выразительность, колорит и эмоциональность, характеризуют жизнь чипизированных «бедных кочевников» как «жизнь живых мертвецов».

- (6) Навязываются такие социальные практики, как поощрение бездетности, эвтаназии (сейчас даже для детей); внедрение моды на стерилизацию; однополюе браки; «ювенальная юстиция» (согласно которой дети принадлежат не родителям, а государству, поэтому их можно изымать из любой семьи и передавать на воспитание другим, при этом активно развивается практика международного усыновления, позволяющая переправлять детей из одной страны в другую), полномочия которой все более расширяются, вплоть до права на разрушение семьи через навязывание «нерепрессивной педагогики» и др. При этом не просто распространяются, а буквально навязываются контркультуры (наркотики, индустрия порнографии, идеология опрощения, поп-арт и др.).
- (7) Распространяется мода на сатанизм, в сектах которого практикуются ритуальные убийства детей. Правительство Обамы разрешило проводить в американских школах факультативные занятия по сатанизму, а учебники по этой «дисциплине» будут финансироваться за счет государства. В 2015 г. в Детройте торжественно открыли памятник, изображающий сатану, на которого с любовью взирают мальчик и девочка.

© Найдыш О.В., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. Международные отношения. М., 1993.
- [2] Глазьев С.Ю. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. Книжный мир. М., 2016 и др.
- [3] Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. М.: У-Фактория, 2007.
- [4] Ланин Б.А. Русская литературная антиутопия. [Б.и.] М., 1993.
- [5] Найдыш В.М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. М.: Гардарики, 2002.
- [6] Найдыш В.М. Найдыш О.В. Власть тайны // Человек. 2015. № 3.
- [7] Найдыш О.В. Обыденное сознание и «жизненный мир» // Человек. 2011. № 4.
- [8] Наука и квазинаука. Под ред. проф. В.М. Найдыша. М.: Альфа-М, 2008.
- [9] Стругацкий Б. Что такое фантастика? День свершений. Л., 1988.
- [10] Турчин А., Батин М. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа. М.: Бинум, 2014.
- [11] Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- [12] Хаксли О. О дивный новый мир // Утопия и антиутопия XX века. М.: Прогресс, 1990.
- [13] Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004.
- [14] Эйджман И. Прорыв в будущее. Социология Интернет-революции. М.: Изд. ОГИ, 2007.
- [15] Эттингер Р. Перспективы бессмертия. М.: Научный мир, 2003.
- [16] <http://www.economy.gov.ru>, <http://www.stratfor.com>.
- [17] Wallerstein I. World-Systems Analysis // Social Theory Today. Ed. by A. Giddens & J.H. Turner. Cambridge: Polity Press, 1987.

Сведения об авторе:

Найдыш Ольга Вячеславовна — кандидат философских наук, преподаватель кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (e-mail: v.naidysh@bk.ru).

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-2-240-249

ORDINARY CONSCIOUSNESS AND MODERN FUTUROLOGY

O.V. Naydysh

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. Futurological scenarios are important not so much the specific content of their “models of the future” as the way they reflect and Express the modern condition of ordinary consciousness. Study them from this point of view provides a platform for deepening our understanding of values and life-meaningful orientations of the modern ordinary consciousness. The role of ordinary consciousness as a prerequisite for futures-oriented creativity varies greatly depending on the type of futurist scenarios. It is especially important for scenarios “perspective plan”. They carry the personality traits of postmodernism, which is characterized by a return from the abstract forms of understanding the world visually to the neck; the weakening of the volitional beginnings in human activities, and the critical attitude.

Key words: ordinary consciousness , futurology, knowledge, values, purposefulness, civilization, identity, the postmodern

REFERENCES

- [1] Attali J. *Millennium: winners and losers in the coming world order*. New York: Random House; 1991. (Цит. по рус. пер. Attali J. Na poroge novogo tyesycheletia. Moscow, 1993).
- [2] Glazyev SY. *Poslednyy mirovaya voyna. USA nachinayt I proigreyvayt*. Moscow, 2016. (In Russ).
- [3] Deleuze G, Guattari F. *Capitalisme et schizophrénie. L'Anti-Œdipe*. Paris: Les Editions de Minuit; 1972. (Цит. по рус. пер. Delioz J., Gvatary F. Anti-Edip. Kapitalizm i shizofrenie. Moscow, 2007).
- [4] Lanin BA. *Russkay literaturnae utopia*. Moscow, 1993. (In Russ).
- [5] Naidysh VM. *Philisophia Mifologii*. Moscow, 2002. (In Russ).
- [6] Naidysh VM. *Vlast tayny*. Moscow, 2014. (In Russ).
- [7] Naidysh OV. Obydennoe soznanie i “jiznennya mir”. *Chelovek*. 2011; (4). (In Russ).
- [8] *Nauka i kvazinauka*. Moscow, 2008. (In Russ).
- [9] Strugatskey B. *Chto takoe fantastika?* Leningrad, 1988. (In Russ).
- [10] Turchin A., Batin M. *Futurologia. XXI vek*. Moscow, 2014. (In Russ).
- [11] Frankl VE. *Man's Search for Meaning*. Washington Square Press 1985. (Цит. по рус. пер.: Frankl V. *Chelovek v poiskah smysla*. Moscow, 1990.)
- [12] Huxley A. *Brave New World*. London, 1932. (Рус. пер.: Haksly O. O dyvny novey mir. *Utopia i antiutopia XX veka*. Moscow, 1990.)
- [13] Hardt M., Negri A. *Empire*. Harvard University Press. Cambridge, 2000. (Рус. пер.: Hardt M., Negry A. *Imperia*. Moscow, 2004.)
- [14] Aidman I. *Proryv v buduschee*. Moscow, 2007. (In Russ).
- [15] E'ttinger R. *Perspektivy' bessmertiya*. Moscow, 2003. (In Russ).
- [16] <http://www.economy.gov.ru>), <http://www.stratfor.com>.
- [17] Wallerstein I. *World-Systems Analysis // Social Theory Today*. Ed. by A. Giddens & J.H. Turner. Cambridge: Polity Press; 1987.